

КАДР ИЗ ФИЛЬМА
«ФРАНЦУЗСКИЙ
ВЕСТНИК.
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ГАЗЕТЕ "ЛИБЕРТИ.
КАНЗАС ИВНИНГ
САН"», РЕЖИССЕР УЭС
АНДЕРСОН, 2021 ГОД

«Мне не нравится притворяться»

Как вы стали любимцем модных брендов?

Не знаю, в какой момент на меня обратили внимание дизайнеры, я ведь даже в зеркало не люблю смотреться, но я благодарен им за то, что они включили меня в свой круг, позволили понять и выразить свою индивидуальность. Мне нравится мода. В ней есть артистизм и игра, пусть даже одежда для мужчин не слишком располагает к экспериментам, в отличие от женской. Раньше я запросто мог прийти на премьеру в джинсах, теперь все чаще выбираю костюм. Он придает уверенности, в нем чувствуешь себя защищенным, особенно если за тобой гонятся папарацци.

Уэс Андерсон известен тем, что любит работать с одними и теми же актерами. Вы один из них. Каково это — работать с Андерсоном?

Мне доводилось сниматься у разных режиссеров, но попасть в семью Уэса Андерсона, быть им вдохновленным и вознесенным — большая удача! В Уэсе мне нравятся энтузиазм и любовь к жизни во всех ее деталях и проявлениях. Я восхищаюсь атмосферой, которую он создает на съемках. Это сложнейшая хореография, где всем приходится танцевать вместе, чувствуя ответственность друг перед другом. Камера Уэса то сосредоточена на крупном плане, то бешено крутится, снимая все вокруг. В какой-то момент оказываешься в ее фокусе, и это всегда вызов и шанс себя проявить. У Уэса все происходит одновременно: обсуждение, съемка, монтаж. Он создал замечательную традицию: мы по-семейному собираемся вместе, обедаем, ужинаем, делимся своими историями. Бывает, выходишь из своего номера в отеле, а в холле словно происходит вручение «Золотого глобуса», здесь присутствуют буквально все: Тильда Суинтон, Бенисио дель Торо, Билл Мюррей, Оуэн Уилсон, Эдвард Нортон, Фрэнсис Макдорманд, Уиллем Дефо, Анжелика Хьюстон и многие-многие другие. Стольких легендарных актеров, собранных вместе, не увидеть ни на одной съемочной площадке.

Какая роль досталась вам в последней картине?

У моего персонажа было много прототипов, но главный — это британский арт-дилер Джозеф Дювин, не боящийся

риска, активный торговец произведениями искусства, благодаря которому американские коллекционеры познакомились со старыми европейскими мастерами. К его мнению прислушивались и королевские дворы Европы, и американские промышленные магнаты. О его жизни было написано несколько книг, но первые биографические очерки были напечатаны в еженедельнике The New Yorker, который и стал прототипом «Французского вестника». Надо сказать, что эта творческая среда знакома мне с детства. Я вырос в Нью-Йорке, моя мать была штатным фотографом в The Village Voice, ее работы печатали также The New Yorker, New York Times, Artforum и другие подобные издания. С четырех лет я ходил с ней по редакциям и выставкам. Это было время качественной журналистики, когда в изданиях печатались знаменитые литераторы, а от рекламодателей не было отбоя. У меня даже была мысль самому стать писателем, меня всегда отличали буйство воображения и любовь к импровизации, но мне все-таки больше нравилась профессия актера. Тогда же я начал рисовать, чем занимаюсь до сих пор. Я люблю мир искусства — в нем есть правда, юмор и волшебство. Также относится к нему и мой герой, арт-дилер Джульен Кадазио, который не боится брать на себя ответственность и первым объявлять, кого он считает настоящим художником и за кого желает поручиться. Без таких, как он, мир не узнал бы о многих гениальных художниках.

«Французский вестник» называют «любовным письмом журналистам», но на самом деле он скорее о любви к европейской культуре. Является ли она сегодня ориентиром для американцев?

Не могу говорить от лица всех американцев, только от своего. Я чувствую себя гражданином мира. Моя личность формировалась культурой не только Европы, но и Индии с Китаем. Важно иметь разносторонний опыт, он и формирует человека, дает ему представление о себе, возможность посмотреть на себя со стороны. Мы живем в сложное время, в котором культивируются поверхностные развлечения, похожие на фастфуд. К нездоровой пище быстро привыкаешь и начинаешь потреблять ее регулярно. Но я не желаю потреблять такую пищу и считаю, что

лишь настоящее искусство должно стать источником нашего вдохновения.

Вы испытываете ностальгию по прежним временам?

Мне вообще свойственно предаваться ностальгии и меланхолии. Мне нравится вспоминать, например, о времени, когда я был студентом Драматической школы в Нью-Йорке, молодым и полным надежд. Правда, жизнь тогда не отличалась стабильностью, меня постоянно преследовали финансовые трудности. И я рад, что смог осуществить свою мечту и стать актером, но в душе остаюсь все тем же мечтательным студентом. Я думаю, испытывать ностальгию очень легко, как и погружаться в воспоминания. Сама возможность оглядываться назад и предаваться воспоминаниям — роскошь. Я знаю многих актеров, которые не могут зарабатывать себе на жизнь творчеством, у которых нет времени на подобные размышления, потому что каждый день им приходится искать работу и бороться за существование.

Вашей визитной карточкой стала роль пианиста в одноименной картине Романа Полански. Как изменилась после нее ваша жизнь в Голливуде?

До того как меня открыл Полански, на меня обратил внимание Стивен Содерберг и пригласил в картину «Царь горы», а потом и Терренс Малик, у которого я снялся в «Тонкой красной линии». Только моя роль была практически вырезана из окончательного варианта. До этого я был всего лишь бедным актером из Нью-Йорка, который слонялся по Лос-Анджелесу, пытаясь где-нибудь пристроиться. Роль пианиста была настолько значительной для меня, что моя жизнь поделилась на «до „Пианиста“» и «после». Я настолько глубоко вжился в свою роль, что даже расстался с девушкой, чтобы ничто не отвлекало меня от съемок. Я на самом деле почувствовал себя несчастным горемыкой, который потерял близких друзей, голодает и скрывается от преследования. После съемок у меня началась сильная депрессия, и я боялся оставаться один. Часто могу уснуть лишь у друзей на диване. К счастью, через некоторое время Уэс Андерсон позвал меня сниматься в «Поезде на Дарджилинг», и жизнь моя наладилась. Что я могу сказать о Голливуде? Думаю, это одно из самых красивых,

приветливых и щедрых мест на Земле — если вам повезет. Если же нет, он может стать местом, полным зависти, коррупции и грязных делишек.

Как удалось остаться собой после неожиданно свалившегося на вас успеха?

С приходом успеха часто меняется не сам человек, а те, кто его окружает. Неожиданно эти люди начинают по-другому к тебе относиться, приписывать тебе качества, которых у тебя никогда не было. Некоторые начинают вести себя бесцеремонно, считают, что все о тебе знают, обсуждают, что ты думаешь и чувствуешь, с кем живешь, пытаются контролировать каждый твой шаг. Я не люблю, когда меня контролируют. Когда чувствую, что кольцо сжимается, могу послать все и всех черту.

Многие ваши фильмы появились в эпоху, когда между кино и телевидением была большая разница. Как изменилась с тех пор актерская жизнь?

Я еще помню смелые творческие фильмы, которые снимали голливудские студии. Теперь эта смелость перекочевала на телевидение и «Нетфликс» вместе с талантливыми режиссерами и сценаристами. К счастью, актеры больше не подвергаются поношению за участие в сериалах. Потому что качество сериалов значительно повысилось. Сериал дает актеру возможность глубоко и надолго погрузиться в судьбу персонажа. Но есть в этом и свои недостатки. Когда снимается кино, то ты занят на съемках несколько месяцев и после их окончания свободен. А сериал может отнять несколько лет жизни. Я не очень люблю брать на себя обязательства на годы.

Какие персонажи вас больше всего привлекают?

Те, которых мне нужно как можно меньше «играть». Мне не нравится притворяться. Например, если мой персонаж голодает, то я предпочитаю не есть, а если хромает, то кладу в обувь камешек. Я предпочитаю по-настоящему испытывать лишения, тогда мне не нужно ничего изображать. Вот такая игра почти без игры меня зажигает.

ТАТЬЯНА РОЗЕНШТАЙН